

Михаил ПУГОВКИН:

Меня готовили на драматические роли, но режиссеры видели во мне дурачков

Беседовала
Евгения Ульченко

Его образ ассоциируется с чем-то забавным, радостным и смешным. Пуговкин часто играл не слишком далеких и привлекательных, пошловатых и даже жуликоватых героев, но зрители, тем не менее, убеждены, что он симпатичный, добрый и интеллигентный человек. Свой в доску. А зрителей не проведешь. В эти дни артист из народа — «профессор де факто» — отмечает 65-летие работы в кино.

— Михаил Иванович, в 1941 году, перед самым началом войны, вы снялись в фильме Рошаля «Дело Артамоновых», и это был ваш дебют. Правда ли, что недавно вы вошли в Книгу рекордов Гиннеса как самый снимающийся актер?

— У меня действительно около ста ролей в кино, только, подозреваю, я не один такой. Можно, наверное, поискать дорогу в эту книгу, но я считаю себя нераскрытым актером. Реализовался примерно процентов на 30 или 40. В студенческие годы я сыграл Мармеладова в «Преступлении и наказании». После чего мне пообещали: «Вы раскроетесь у Достоевского».

Но, к сожалению, с Федором Михайловичем я больше не общался. Сыграл подряд в шести фильмах Гайдая, и, конечно, это был мой творческий взлет.

— Кажется, только сегодня киноведы начинают понимать, что Гайдай — это круто. Раньше они его как-то недооценивали...

— Да, меня иногда спрашивали: «Как вы можете сниматься у Гайдая? Это же примитивный юмор ниже пояса». Я отвечал с улыбкой: «Это смотря где этот пояс носить». Комедии Гайдая были искрометными, светлыми и добрыми. Они были смешными. А сейчас смешных комедий практически нет — жизнь не смешная. Нечего из нее смешного выбрать.

— А восприятие юмора сегодня изменилось? Лично вы над чем теперь смеетесь?

— В юморе стало больше злости и сарказма. Быть объектом современных юмористов мне не хотелось бы. А сам я всегда смеюсь исключительно над собой.

Не знаю, как выгляжу со стороны, но мои сверстники в американском кино играют крупных мафиози, даже пылких любовников, а мне не так давно предложили роль очередного пьяного дворника. Я со смехом отказался: зачем снова играть то, что прискущало мне еще 35-40 лет назад?

— А как вы относитесь к съемкам в рекламе?

— Неоднозначно. Я, если вы помните, снялся в рекламе «Золотого конька». Подруги жены тогда звонили ей и спрашивали: «Ой, ну как там наш секс-символ?» И до сих пор за мной этот шлейф дурачки тянется.

— Как вы считаете, Михаил Иванович, актерами рождаются? Вы с детства хотели стать актером?

— Да, еще в родной деревне Рамешки я на свадьбах

отплясывал цыганочку, барыню, русскую, полечку. Никто меня этому не учил, просто нрав был такой. А Рамешки — еще та глушь, Чухломской район Ярославской области. В школу нас на лошади возили. Крестьянские обычаи держались старые, вековые. За обедом, пока отец не стукнет ложкой по миске, никто не имел права начинать есть. Я часто ползал от него по лбу, потому что норовил до команды выловить кусочек мяса...

Оттуда мы и переехали в Москву. Маме потребовалась операция, которую в нашей глуши никто не мог сделать. И в 13 лет я уже работал на Московском торном заводе учеником электромонтера. После смены бегал в драмкружок, в клуб имени Каляева. А в пятнадцать меня приняли в Московский драмтеатр, где я получал семьдесят пять рублей в месяц, в шесть раз меньше, чем на заводе. Мама удивлялась: «Разве с таким лицом берут в артисты?» Наверное, что-то руководит в жизни каждым из нас. Моя судьба определила меня в актеры.

— Снявшись в своей первой картине, вы сразу добровольцем ушли на фронт. Вам тогда едва исполнилось 18, и лишь немногим из ваших ровесников удалось выжить. Тоже судьба?

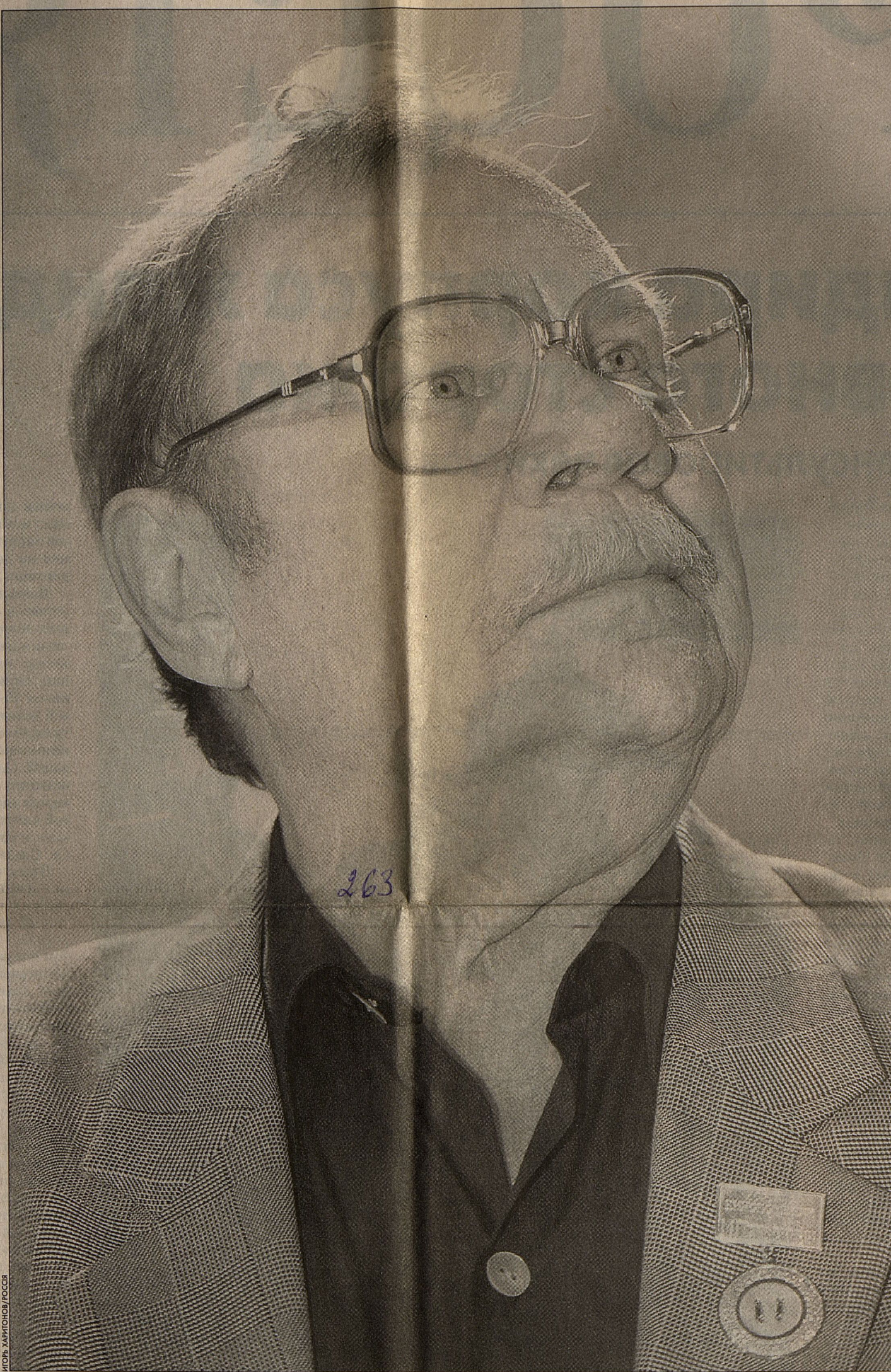
— Я сразу попал под Смоленщину. Это был крошечный ад. На нас, новобранцев, не было даже формы. Первый бой мы приняли в летних брюках и парусиновых тапочках. Мало кто в этом бою уцелел, а я — без единой царапины. Вот это было чудо! Тяжело ранило меня уже осенью 1942 года, но и тут судьба проявила милость.

Мне должны были ампутировать ногу, уже развилась гангрена, но я взмолился: «Доктор! Нельзя мне без ноги, я ведь артист!» Конечно, такого артиста, Пуговкина, еще никто не знал. Но врач пошел мне навстречу на свой страх и риск...

Кстати, если кто-то не знает, моя настоящая фамилия — Пугоныкин. Я ее чуть-чуть изменил, чтобы она звучала.

— Фронтвик, профессиональный артист... В школу-студию МХАТа вас взяли без экзаменов?

— Представьте, меня приняли туда с тремя классами деревенской школы, но вот экзамены как раз сдать пришлось. Когда рассказывал свою биографию, душа в пятки ушла. Потом прочел басню «Кот и повар». Хохо-

хотел. Я ободрился и начал читать Пушкина: «Мой голос для тебя и ласковый и томный». Опять хохочут! Я смутился и выбежал из аудитории.

Еле потом поверил, что приняли. Вообще, учеба во МХАТе — это золотое время. Я играл в массовых сценах с Киншпер-Чеховой, Тарасовой. В студии преподавали Качалов, Ливанов, Хмелев, Грибов...

— Наметанным взглядом они сразу rozpoznali в вас будущего короля комедии?

— Я учился у великих артистов, меня готовили на драматические роли, но впоследствии кинорежиссеры

видели во мне только комиков, дурачков... Кинематограф способен твою внешность отштамповать, и следующий режиссер уже будет пользоваться готовым штампом. А может в этой внешности открыты другие задатки и возможности.

— Вы 65 лет в кино. Обиды на него у вас были?

— Ну как же без них. Думаю, я не исключение. Ведь актеров на роль часто выбирают, как помидоры на рынок. Особенно обидно, когда из картины вырезают удачный эпизод, в который ты всю душу вложил. В 1943 году я снялся в фильме «Фельдмаршал Кутузов» у знаменитого режиссера Владимира Петрова. Играл солдата Федю, который умирает во время Бородинского сражения на поле боя. Я говорил старичку-солдатику, который держал меня за руку: «Семен, отпущи в деревню Липки, что под Рязанью, матушке моей, что сын ее Федор Петров не Богу душу отдал, а живот свой положил за Отечество».

Сталин посмотрел картину и сказал: «Этот эпизод будет вызывать у народа сострадание. Я вообще считаю, что любой интересный человек — как институт. Мне повезло, что Миша был и остался моим другом. Знаю, что он себя неважно в последнее время чувствует, поэтому желаю ему прежде всего здоровья, а остальное, я уверен, приложится».

Сидял посылку с деревенским салом, сухофруктами, вареньем или яблоками, то это был пир на весь мир. Сало резали ломтиками в палец толщиной, и надо было видеть, с какой скоростью и удовольствием мы с Михаилом Ивановичем его уминали.

Помню съемки «Свадьбы в Малиновке» в деревне Пески под Полтавой. Компания была прекрасная: Федорова, Лебедев, Водяной и, конечно, Пуговкин. Чтобы не было скучно, мы часто шутили друг над другом, устраивали всяческие подвохи и розыгрыши. Миша был на высоте, он оптимист и очень веселый человек. Всегда умеет поднять настроение. Я вообще считаю, что любой интересный человек — как институт. Мне повезло, что Миша был и остался моим другом. Знаю, что он себя неважно в последнее время чувствует, поэтому желаю ему прежде всего здоровья, а остальное, я уверен, приложится».

и, и я часто сталкивался с тем, что при монтаже мои работы сокращались или совсем улетали в корзину. Даже с моим любимым Леонидом Гайдаем был такой случай. На просмотре «Операции «Ы» кто-то сказал ему: «Леня, Пуговкин у тебя сыграл здорово, но его надо урезать до минимума, иначе он отвлекает внимание от главного действия!»

— А как вам работало с Гайдаем? Каким он был человеком?

— У него была такая манера говорить: «Я дам вам сценарий, а вы скажите, кого хотите играть». «В такие игры не играю», — отвечал я. — Вы мне скажите, кого во мне видите? Гайдай был отличным режиссером, никогда не фальшивил, ни в кино, ни в жизни. Мы с ним понимали друг друга с полуслова. Он никогда ничего не диктовал, на актеров не кричал. Просто мог подойти и сказать: «Все нормально, ребята, но не смешно». У нас была такая примета: если в Доме кино на премьеру собирается вся команда киношной элиты, значит, нормального проката не предвидится. А если в зале сидит жалкая кучка киноманов, значит, зритель на эту картину валом будет валить.

— Кроме Гайдая у вас есть любимые режиссеры?

— Как, по-вашему, Михаил Иванович, актер это сна-

чала лицо, а уже потом талант и все остальное? — Конечно, лицо! Со своим лицом я никогда не мог бы быть Штирлицем, а Тихонову мои роли подошли бы как корове седло. Из-за своего лица я один раз даже удостоился сыграть главную роль в спектакле. Дело было так. Промыкавший с ранением по госпиталям, я чуть живой добрался до Москвы и сразу приковывался с палочкой в один из немногих тогда открытых театров. Сейчас это Театр имени Маяковского.

Там ставили пьесу «Москвичка», по ходу которой героиня говорит главному герою: «Душа у тебя, Петя, ничего, благородная, но лицо определенно не то». Петяку репетировал Николай Литвинов, и его тщательно гримировали. На прогоне перед премьерой председатель Комитета по делам искусств сказал: «Что же вы из красавца сделали Квазимодо? Даю вам неделю на поиск нового артиста». И тут взгляд главного режиссера упал на меня. За один день я не только свою — все роли в спектакле наизусть выучил. После премьеры девочки бегали за мной, как сейчас за звездами шоу-бизнеса...

— Кстати, о звездах. Вашим именем ведь названа планета?

— Да, крымские астрономы сделали мне подарок в 1997 году. Я тогда жил и работал в Ялте — боролся за застарелой астмой. Так что, слава богу, в небесах у меня хорошая компания — где-то между Есениным и Чеховым.

— Ваша семья была пражавославной?

— Конечно. В детстве я помогал бабушке испечь в церкви на ночь печь, за что она меня тайком угощала папиросами «Бокс». На крестный ход, на Пасху я возглавлял шествие.

Веры своей я никогда не терял, но и не афишировал. Всегда ощущал, что Бог где-то рядом, что Он поможет. Я остался на всю жизнь человеком православным, оттого и в партию не вступал.

— Когда Леонид Гайдай предложил вам сыграть отца Федора в «Двенадцати стульях», не было у вас внутреннего конфликта?

— Душа сначала была не на месте. Я спросил у мамы: «Как быть-то?..» Она, женщина неграмотная, но по-настоящему мудрая, спросила, что делает в фильме отец Федор. «Гонимая за бриллиантами», — говорю. «А Бога это как-то касается? Нет? Тогда играй спокойно. Боженька простит!»

В первый съемочный день мне на «Мосфильме» выдали настоящую ясу и крест — ну точно в точь, как у нашего батюшки в деревне. Даже спина похолодела. Гайдай говорит: «Давай, Михаил Иванович, перекрестимся и будем снимать». Мы перекрестились и стали снимать.

— Когда вы орете со скалы: «Снимите меня, я отдам колбасу!» — зрители сползают с кресел от восторга. Как снимался этот кадр?

— Действительно на пятидесятиметровой скале в Дарьяльском ущелье. Я все руки ободрал, пока на нее взобрался. А в Москве просмотрели материал, и оказалось, что нет высоты, не чувствуется. В результате пришлось сделать фанерную скалу и переснимать эпизод на «Мосфильме». Хотя экскурсоводы, которые проводят экскурсии по Дарьяльскому ущелью, по сей день говорят: «В этом месте снимался фильм «Двенадцать стульев». На этой скале сидел Михаил Пуговкин».

— Съемки, гастроли, встречи с коллегами способствовали дружеским посиделкам?

— Про меня один знакомый режиссер сказал: «Ты

не пьяница, ты нормальный российский гуляка». На съемках фильма Михаила Ромма «Адмирал Ушаков» гудели в Ялте и моряки, и артисты. Ромм выстроил всех артистов — Ивана Перверзева, Владимира Дружников, Геннадия Юдина, Георгия Юматова, Сергея Бондарчука. К каждому подходил и стыдил, дескать, завтра съемки, надо завязывать. Последний, к кому он подошел, был я: «Пуговкин! У вас такое лицо, не очень заметное. Вы можете продолжать...»

— Вы снимались в «Штрафом ударе» с Владимиром Высоцким. Тогда уже чувствовалось, что он неординарная личность? Приходилось вам с ним общаться не на съемочной площадке?

— Это было в 1962 году. Володя выделялся тем, что играл на гитаре и пел, правда, пока еще не свои песни. Во время съемок мы как-то заехали в ресторане. Утром стук в дверь. Встаю, голова тяжелая, думаю: «Кого это несет в такую рань?» Открываю. На пороге оказывается сначала бутылка портвейна, потом Володя: «Дядя Миша, может быть, вы себя неважно чувствуете? Возьмите. Извините, что побеспокоил» — и ушел.

— Вы работали в кино вместе с великими актрисами — Фанной Раневской, Зоей Федоровой, Надеждой Румянцевой... А любимые партнерши у вас были?

— Ну какие же у меня партнерши, если я не играл героев-любовников — так, рваные эпизоды... Моя любимая партнерша, моя лучшая подруга и мой спасательный круг — моя жена Ирина Константиновна Пуговкина-Лаврова.

— Личная жизнь Михаила Пуговкина окутана тайной. Ирина Константиновна — не первая ваша жена?

— Третья и последняя. Она крымчанка. Мы познакомились в 1991 году. Я приехал тогда в Ялту, она организовывала мои концерты. В день приезда я заглянул в свой гостиничный холодильник, а там такое изобилие... Уже, подумал про себя, приятно. Потом стали вместе ужинать, ну а дальше все, как это обычно происходит. Мне в июле 83 года, я уже долго живу и не скрываю нечего — пятеро детей, семь внуков...

В нашей теперешней свободной прессе без конца обсуждается личная жизнь актеров. Во времена моей актерской молодости и зрелости в газетах писали не о том, кто сколько раз женился-разводился, а о том, кто и как сыграл свою роль. При этом над каждым, кому поклонялась публика, витал ореол таинственности. Артистов буквально носили на руках. Помню, как в Одессе за Володей Дружниковым толпы ходили, как будто на демонстрации, а он только улыбался своей ослепительной улыбкой и раздавал автографы.

— На первом этаже вашей квартиры недавно разместили Киноцентр. Кто помогает в его работе?

— Квартиру на двух уровнях мне выделило правительство Москвы, когда после лечения в Крыму я вернулся на ПМЖ в столицу. Киноцентр работает с сентября до середины мая, а летом закрывается на каникулы. В течение года мы показываем отечественные фильмы, проводим вечера и встречи с известными актерами и режиссерами, устраиваем выставки. И своим рождением, и жизнью Киноцентр обязан Ирине Константиновне. Во многом это дело рук жены, за что я ей очень благодарен. Кино — вся моя жизнь, несмотря на обиды и разочарования. И я по-прежнему рад любой встрече со зрителями.

Слова

Николай Сличенко, народный артист СССР, руководитель театра «Ромэн»:

— Я знаю Михаила Ивановича очень давно. Больше чем полвека прошло с тех пор, как мы познакомились. Никакие годы не смогли ничего сделать с его лицом. Знаменитому актеру не нужны, как теперь говорят, стилисты. Он и раньше в них не особенно нуждался. Часто снимался без грима. Мне кажется, что и внутренне Миша не изменился, ну разве что чуть-чуть...

В середине 50-х мы вместе с ним приходили по вечерам в общежитие Театра Ленинского комсомола, в котором Миша тогда работал. В комнату, где жили сестра и брат Марковы — Леонид и Римма. В этой комнате всего было метров пятнадцать. Мы забивали ее битком, сидели и на кровати, и на подоконниках, и на полу. Чуть-чуть выпивали, угощение было незатейливое. Если кому-то родные при-

сылали посылку с деревенским салом, сухофруктами, вареньем или яблоками, то это был пир на весь мир. Сало резали ломтиками в палец толщиной, и надо было видеть, с какой скоростью и удовольствием мы с Михаилом Ивановичем его уминали.

Помню съемки «Свадьбы в Малиновке» в деревне Пески под Полтавой. Компания была прекрасная: Федорова, Лебедев, Водяной и, конечно, Пуговкин. Чтобы не было скучно, мы часто шутили друг над другом, устраивали всяческие подвохи и розыгрыши. Миша был на высоте, он оптимист и очень веселый человек. Всегда умеет поднять настроение. Я вообще считаю, что любой интересный человек — как институт. Мне повезло, что Миша был и остался моим другом. Знаю, что он себя неважно в последнее время чувствует, поэтому желаю ему прежде всего здоровья, а остальное, я уверен, приложится».